

Доктор филологических наук
Н. Л. Степанов

ПУШКИН И РАДИЩЕВ¹

мена Пушкина и Радищева, которыми гордится наш народ, могут быть с полным правом названы вместе. Идейная и творческая встреча этих писателей была исторически закономерна. Радищев — вершина передовой русской культуры XVIII в., Пушкин — родоначальник новой русской литературы:

Пушкин был и главным источником знакомства с Радищевым для читателей XIX в. Статья Пушкина о Радищеве, ставшая известной лишь в 1857 г., после появления VII тома анненковского издания, привлекла внимание к Радищеву революционных демократов.

Пушкин гордился тем, что он «вслед Радищеву» «восславил» «свободу». Великий поэт справедливо считал себя продолжателем его дела, однако он жил и творил в эпоху, во многом отличную от той, когда раздался смелый, но одинокий голос Радищева.

Говоря о роли Радищева в идейном и творческом становлении Пушкина, следует иметь в виду не разрозненные, частные сопоставления, не отдельные цитаты, которыми обычно оперируют исследователи, а общность и вместе с тем своеобразие исторических путей каждого из них.

В своей статье «О национальной гордости великороссов» Ленин призывал нас гордиться Россией Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев.

У истоков этой традиции справедливо поставлено В. И. Лениным мужественное и прекрасное имя Радищева. «Мы гордимся тем, — писал Ленин, — ...что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал

¹ В сокращенном виде доклад напечатан отдельной брошюрой в серии лекций Общества по распространению политических и научных знаний.

в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик в то же время становится демократом, начал свергать попа и помещика».¹

Пушкин и декабристы продолжили дело Радищева, подхватили его революционный призыв.

Естественно, что Пушкин не мог пройти мимо Радищева. Начиная с юношеских, лицейских лет и кончая последними годами жизни поэта, Радищев всегда стоял перед его глазами как величественный пример выполнения писателем своего долга перед народом. У Радищева, в его революционных произведениях, овеянных горением подлинно передовой мысли, Пушкин черпал уверенность в своем свободолюбивом пути, учился смелому обличению деспотического и крепостнического режима, которое так страстно и правдиво проповедывал этот замечательный писатель-революционер.

Радищев, великий представитель русской литературы и общественной мысли, отличался последовательностью своих революционных выводов, бесстрашием материалистических взглядов, жизненной правдивостью и самобытностью своего творчества.

Открывая новую страницу в развитии русской литературы, Радищев утверждал ее дальнейшее развитие как самой передовой, идейной и правдивой литературы в мире. «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, напечатанное им летом 1790 г., замечательный памятник русской общественной мысли и литературы конца XVIII века.

По смелости и широте мысли, по решению основных социальных и политических вопросов, и, прежде всего, вопроса о государственной власти и правах народа, — Радищев стоял на гораздо более передовых и революционных позициях, чем западные просветители и радикальные буржуазные мыслители вроде Вольтера или Монтескье, полагавшие, что миром правят «мнения», и не понимавшие значения народа как основной движущей силы истории.

«Путешествие» Радищева — произведение глубоко самобытное и национальное, русское по самому своему духу и характеру. В основе его лежит правдивое и смелое изображение тех невыносимых социальных условий, которые мешали плодотворному развитию талантливого, умного и свободолюбивого русского народа, жестоко эксплуатировавшегося помещиками-крепостниками и царской бюрократией. На протяжении всего повествования Радищев смелой и беспощадной кистью художника-реалиста рисует картину чудовищного угнетения, насилия, издевательства помещиков над своими крепостными. Не смягчая красок, он показывает бесчисленные жестокости помещиков.

Радищев — подлинный патриот, горячо любящий свое отечество, стремившийся к его величию и славе. Непременным условием этого величия он считает свободу своего народа. В призыве к освобождению народных

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 21, стр. 85.

масс от крепостной зависимости, в ненависти и презрении к правящему паразитическому классу выражалась подлинная любовь Радищева к родине.

Для Радищева самое «порабощение» человека «есть преступление». Однако вопрос о «порабощении» Радищев ставил не в общем отвлеченно-гуманистическом плане (как это делали западноевропейские просветители), а во всей его социальной конкретности, как вопрос о борьбе с помещиками-крепостниками. «Но кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи?— спрашивает Радищев.— Земледелец! кормилец наша тощеты, насытитель нашего глада; тот, кто дает нам здоровье, кто житие наше продолжает, не имея права распоряжаться ни тем, что обрабатывает, ни тем, что производит».¹

Для Радищева крестьянин является основой благосостояния общества. И именно этот класс, на чьем труде держится государство, кому обязаны своим благополучием тунеядцы-помещики, не только был лишен права распоряжаться тем, что производит, но и подвергался неслыханной эксплуатации и бесчеловечному угнетению. «Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания, и частью в законе мертвы, называться блаженным?»² Один лишь «ненасытец кровей», алчный и жестокий помещик может это сказать,— говорит Радищев, стремясь «опровергнуть... сии зверские властителей правила».³

Буржуазное литературоведение пыталось представить Радищева либералом-просветителем, тенденциозно искажая его подлинный облик. Но именно Радищев первый из русских мыслителей понял неизбежность и необходимость народной революции. Он первый смело и открыто высказал требование об освобождении трудящихся масс от самодержавно-крепостнического гнета. Этим уже протягиваются нити от Радищева к декабристам и далее к революционным демократам 60-х годов. Предупреждая дворянство о грозящем ему возмездии, Радищев писал в «Путешествии»: «Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противустояние. Прорвав оплот единожды, ни что уже в разлитии его противиться ему невозможно. Таковы суть братия наши, во устах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие».⁴

Для Радищева народная революция не является лишь разрушительным крестьянским «бунтом», она несет и новые созидательные начала, она выдвигает прогрессивную интеллигенцию — людей из народа, — которые

¹ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Хотилово», т. I, изд. АН СССР, 1938, стр. 314.

² Там же, стр. 315.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 320.

призваны будут создать новую, подлинно народную культуру, взамен крепостнической: «Скоро бы из среды их (т. е. восставших крестьян.— Н. С.) исторгнулись великие мужи, для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены.— Не мечта сие, но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую, я зрю сквозь целое столетие».¹

Радищев считал, что настоящий патриотизм присущ народным массам. Кичливости вельмож и придворных их мнимыми заслугами перед отечеством Радищев противопоставляет бескорыстную преданность интересам родины со стороны простых, ничем не примечательных людей, которые «равняются или председательствуют служащим отечеству силами своими душевными и телесными, не щадя ради отечества ни здоровья своего, ни крови, возлюбляя даже смерть ради славы государства».²

Следует коренным образом пересмотреть и распространенную точку зрения на Радищева, как на представителя сентиментализма. Радищев не может быть отнесен к этому течению: он, по сути дела, являлся зачинателем реализма в русской литературе.

Суровая правдивость изображаемых им в «Путешествии» картин тогдашней российской действительности, жизненность и убедительность созданных им образов, революционный обличительный пафос — все это не имеет ничего общего с сентиментализмом и, тем более, содержанием «чувствительных путешествий» Стерна и Дюпати, с которыми сравнивали «Путешествие» Радищева некоторые исследователи.

Радищев первый в русской литературе показал жизнь как она есть, без прикрас, без моралистического резонерства, без той преувеличенной чувствительности, которые считались обязательными для прозы в XVIII в. «Путешествие» Радищева — это не завершение традиций дворянского классицизма или сентиментализма, а качественно новое явление в русской литературе, устремленное далеко вперед, намечающее пути последующего литературного развития.

Реализм Радищева — не в бытовых зарисовках, не в отдельных метко схваченных чертах действительности — реалистично у него само восприятие и понимание этой действительности. Радищевский реализм предваряет критический реализм русских писателей XIX в., и прежде всего Пушкина. Радищев видел окружающую жизнь в ее противоречиях и не только правдиво показал основное зло русской действительности своего времени — самодержавие и крепостничество, но и впервые поставил перед русским обществом как главную задачу — ликвидацию их революционным путем.

Несокрушимая вера в народ, понимание закономерности исторического развития позволили Радищеву прийти к выводу о неизбежности рево-

¹ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Городня», т. I, стр. 368.

² Там же, гл. «Выдропуск», т. I, стр. 327.

люционного переустройства общества. Радищев видит выход в победе народной революции, которую он и предсказывал в своей книге: «О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим... главы бесчеловечных своих господ...»¹

Радищев показывает русских крестьян не забитыми и смиренными, а протестующими против крепостнического гнета, восстающими против помещика. В главе «Зайцово» он рассказывает, как возмущенный насилием над его невестой жених и заступившиеся за него односельчане убили своих господ. «Толико ненавидели они их, что ни один не хотел миновать, чтобы не быть участником в сем убийстве».² Никто до Радищева с такой последовательностью и ясностью мысли не показал свободолюбивый характер русского народа. Радищев не сомневается, что русский народ имеет в себе достаточно сил, чтобы сбросить иго эксплуататоров: «Русский народ, — писал Радищев, — очень терпелив, и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать...»³

Радищев не страшится грозы народной революции. Он считает революционное насилие справедливым и единственно возможным путем освобождения народа. В этом он намного опередил свое время, указав путь последующим поколениям революционеров. В предисловии к изданию «Путешествия» Радищева Герцен писал: «А. Радищев смотрит вперед... Его идеалы... это наши мечты, мечты декабристов... Что бы он ни писал, так и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и в первых стихотворениях Пушкина, и в Думах Рылеева, и в собственном нашем сердце».⁴

Имя Радищева, его смелый протест против деспотизма были свежи в памяти передовых русских людей в годы молодости Пушкина. Недаром Пушкин, прочитав в «Полярной Звезде» в 1823 г. «Взгляд на старую и новую словесность в России» декабриста А. Бестужева, упрекал его за отсутствие упоминания о Радищеве: «как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? кого же мы будем помнить? Это умолчание не простиительно...»⁵

Пламенный призыв к борьбе с самодержавием и крепостничеством в произведении Радищева сделал «Путешествие» одной из тех книг, которые содействовали формированию идеологии декабристов. Ода «Вольность» и «Путешествие» воспитывали у декабристов чувство подлинного патриотизма.

¹ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Городня», т. I, стр. 368.

² Там же, гл. «Зайцово», т. I, стр. 274.

³ Там же, стр. 272.

⁴ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, П., 1919, т. IX (Предисловие), стр. 270.

⁵ А. С. Пушкин. Письмо к А. А. Бестужеву. Письма. Соч., т. X, стр. 61.

Гневное послание Рыльева «К временщику», его революционные стихи «Гражданское мужество», «Гражданин» и другие многим обязаны оде «Вольность» Радищева. В ней заключен не только образец действенной гражданской поэзии, но и впервые выражены те революционные идеи, та жажда свободы, ненависть к деспотизму, которые так вдохновенно и мужественно прозвучали в стихах поэтов-декабристов.

Мы не можем точно датировать, когда именно познакомился Пушкин с «Вольностью» и «Путешествием» Радищева. Можно, однако, с уверенностью предположить, что Радищев был хорошо известен лицеистам. Во всяком случае уже в 1814 г. Пушкин упоминает его имя в поэме «Бова», написанной под непосредственным влиянием одноименной поэмы Радищева. Несомненно, что обращение к этой поэме было связано с общим интересом к Радищеву и с знакомством с его одой «Вольность» (а возможно, и «Путешествием»). Ведь все последующие высказывания Пушкина о Радищеве как «враге рабства» предполагают знание его основных произведений. Следует также добавить, что и лицейский друг Пушкина В. Кюхельбекер в показаниях на следствии по делу декабристов указывал на свое знакомство с «Путешествием» Радищева. О чтении радищевского «Путешествия» говорит в дневнике 1807 г. декабрист Н. И. Тургенев, являвшийся одним из политических «наставников» молодого Пушкина.¹

«Богатырская повесть» Радищева «Бова» являлась первым опытом русской поэмы, написанной на сюжет лубочных сказок, народным нерифмованным стихом. В своей поэме Радищев высмеивал псевдонародность дворянской литературы XVIII в.

В первоначальный период своего творчества Пушкин обращается к Радищеву в поисках реалистического пути:

Петь я тоже вознамерился,
Но сравняюсь ли с Радищевым?²

При этом Пушкин с едкой иронией говорит о «немце Клопштоке» и других западноевропейских писателях, отвергая их произведения за отвлеченность, за незнание народной жизни. Подобно Радищеву, Пушкин в своей поэме-сказке дает едкую сатиру на самодержавие.

В пушкинском «Бове» появляется и царь Дадон — «тиран неусыпный», знакомый по поэме Радищева, и засыпающие от непривычных размышлений царские советники. Сатирическое изображение царей и вельмож, а также народный стих и сказочный колорит пушкинской поэмы сближают ее с поэмой Радищева.

Значение радищевского «Бовы» для молодого Пушкина, однако, этим не исчерпывается. Создавая в 1817—1820 годах одно из основных своих произведений этого периода — «Руслана и Людмилу», Пушкин и здесь воспользовался опытом Радищева. Шуточно-иронический характер поэмы,

¹ Архив бр. Тургеневых. Дневники и письма, т. I, стр. 64, СПб., 1911.

² А. С. П у ш к и н. Бова (Отрывок из поэмы). Соч., т. I, стр. 61.

ее фольклорный сюжет и образы перекликаются с радищевским «Бовой». Это тем более важно отметить, что в литературе о «Руслане и Людмиле» усиленно распространялись версии о «влияниях» на Пушкина Ариосто, Вольтера и других западноевропейских писателей и в то же время «забылась» русская традиция шуточных богатырских поэм, прежде всего — «Бовы» Радищева.

Сразу же после окончания лицея молодой Пушкин входит в сферу революционной деятельности декабристов. Его ода «Вольность» (1817), направленная против «тиранов мира» и призывавшая «на тронах поразить порок», стала одним из поэтических документов декабризма, выражением нараставших революционных настроений.

Недаром она нелегально распространилась в сотнях рукописных копий, и власти, изымавшие и преследовавшие революционные стихи, буквально всюду находили пушкинскую «оду на свободу», как она называлась в полицейских донесениях.

Не меньшей популярностью пользовалось и полное грозного негодования, бичевавшее крепостное рабство, стихотворение Пушкина «Деревня».

Пушкин своими стихами продолжал дело Радищева, пропагандируя в литературе революционные идеи. Благодаря этому передовая русская литература в годы декабристского движения приобрела тот боевой политический характер, который пытался придать ей Радищев. В этом отношении Пушкин и декабристы явились непосредственными продолжателями его революционной традиции. «Литература у народа, не имеющего политической свободы, — писал впоследствии Герцен, — единственная трибуна, с высоты которой он может заставить услышать крик своего негодования и своей совести. Влияние литературы на общество, сложившееся таким образом, разрастается до размеров, которые литературой других стран Европы давно утеряны. Революционные стихотворения Рыльева и Пушкина можно было найти в руках молодых людей в самых отдаленных областях империи».¹

На заседаниях общества «Зеленая Лампа», фактически являвшегося литературным филиалом тайного общества, Пушкин читал друзьям свои вольнолюбивые стихи и язвительные эпиграммы против царя, — «кочующего деспота». Деятельность молодого поэта проходит под знаком борьбы с «самовластьем» и «рабством диким». Его душа, как ранее у Радищева, «страданиями человечества уязвлена стала»,² и Пушкин, «друг человечества», подобно своему предшественнику «печально замечает везде невежества губительной позор».³

Радищев являлся подлинным патриотом, горячо любившим Родину, и именно поэтому стремившимся к ее освобождению от деспотического

¹ А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России. Полн. собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, т. VI, стр. 350.

² А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Посвящение, Соч., т. I, стр. 227.

³ А. С. Пушкин. Деревня. Соч., т. I, стр. 352.

произвола. В своей замечательной статье «Беседа о том, что есть сын Отечества» (напечатанной анонимно), Радищев писал, что «величественного наименования сына Отечества (патриота)» достоин лишь свободолюбивый человек, заботящийся не о личных интересах, а о «преуспевании своего Отечества».¹

Декабристы также называли себя «сынами отечества», противопоставляя свой патриотизм, свою любовь к отечеству — антинародной политике правящей феодальной верхушки. Пушкин, подобно Радищеву и декабристам, выступает как писатель-патриот, исполненный истинной любви к отчизне, неразрывно связанной с ненавистью к ее угнетателям.

Пушкину, как и декабристам, приходилось действовать в очень трудной и сложной обстановке. Аракчеевская реакция свирепо преследовала каждое проявление свободной мысли, насаждала раболепие и покорность. Тот идеал свободы, тот активный гуманизм, который проповедывал Пушкин в своих стихах, постоянно приводил поэта к столкновению с тогдашней социальной действительностью.

Пушкин своим творчеством утверждал новое отношение к жизни, призывал к освобождению народа от деспотической власти царских прислужников — «холопов венчанного солдата», от «барства дикого».

В «Вольности» Радищева намечалась широкая революционная программа. В своей оде он бичует рабство, призывает народ к восстанию, прославляет революцию, требует соблюдения справедливых законов, устанавливаемых самим народом после низвержения тирании. Во всей мировой литературе, современной Радищеву, мы не найдем произведения, которое содержало бы такую всестороннюю программу социального переустройства общества.

То обстоятельство, что Пушкин назвал, вслед за Радищевым, свою оду — «Вольность», подчеркивало преемственность этой радищевской традиции.

Уже первая строфа радищевской оды с ее прославлением вольности, как бесценного дара, как освобождения от оков рабства и деспотической тирании царизма, должна была вдохновить Пушкина, подсказать ему основное направление его мыслей:

О! дар небес благословенный,
 Источник всех великих дел,
 О, вольность, вольность, дар бесценный,
 Позволь, чтоб раб тебя воспел.
 Исполни сердце твоим жаром,
 В нем сильных мышц твоих ударом
 Во свет рабства тьму претвори,
 Да Брут и Телль еще проснутся,
 Седяй во власти да смятутся
 От гласа твоего цари.²

¹ А. Н. Радищев. Беседа о том, что есть сын Отечества. Соч., т. I, стр. 215.

² А. Н. Радищев. Вольность, Соч., т. I, стр. 1.

Пушкин в своей «Вольности» также хочет «воспеть свободу», также обращается с угрозой к «тиранам», обещает «на тронах поразить порок». Основная тема пушкинской оды — борьба с рабством и тиранией, гневное возмущение против «неправедной власти» и «неволи», — и сближает пушкинскую «Вольность» с одой Радищева:

Увы! куда не брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная власть
В стуженной мгле предрассуждений
Воссела — рабства грозный гений
И славы роковая страсть.¹

Прославление «вольности» соединяется и у Пушкина и у Радищева с ненавистью к «тирану». Радищев обращается к царю с предупреждением:

Но мститель, трепещи, грядет...²

Радищев призывает народ радоваться тому, что царя возводят на плаху: «Ликуйте, склепанны народы». Пушкин в своей оде также бросает вызов самодержавным властителям:

Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!³

Сближаясь с радищевской одой в своем негодующем отрицании деспотической власти царя и крепостного рабства, Пушкин, однако, не разделяет одобрения Радищевым революционного террора, противопоставляя ему «сень надежную закона».⁴

Стихотворение Пушкина было написано в 1817 г., в то время, когда создавалась декабристская программа, — в год организации Союза Благороденствия. Оно явилось одним из тех агитационных произведений, которые, презрев печать, расходились во множестве списков.

Идея революционного возмездия тиранам, высказанная Радищевым, вдохновила Пушкина и на такие стихи, как широко распространенный среди декабристов «Кинжал»:

...Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды.
Где Зевса гром молчит, где дремлет меч закона,
Свершитель ты проклятий и надежд,
Ты кроешься под сенью трона,
Под блеском праздничных одежд...⁵

¹ А. С. Пушкин. Вольность. Соч., т. I, стр. 314.

² А. Н. Радищев. Вольность, Соч., т. I, стр. 4.

³ А. С. Пушкин. Вольность. Соч., т. I, стр. 314.

⁴ Там же, стр. 317.

⁵ А. С. Пушкин. Кинжал. Соч., т. II, стр. 33.

Идейное развитие Пушкина на первом этапе его творчества, его смелые, взволнованно-вольнoлюбивые стихи, его гневное обличение царя, его призыв к свободе — являлись прямым претворением в жизнь заветов Радищева.

Призывая к свержению «самовластья», Радищев предвидел будущее. Свою «Вольность» он закончил пророческими строками о грядущей свободе, когда:

... яркий свет пустил свой луч,
И ложный плена скиптр поправши,
Сгущенную мглу разогнавши,
Блестящий день родил из туч.¹

Пушкин в своем послании к Чаадаеву тоже мечтал о том времени, когда будет рассеяна сгущенная мгла самовластья:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!²

Этот призыв Пушкина был услышан его современниками и вдохновлял и декабристов и последующие поколения революционеров на борьбу с самовластьем.

В «Деревне» в сжатых и точных поэтических формулах передано то отношение к крепостному угнетению, те черты крепостнической действительности, которые отразились в соответствующих эпизодах радищевского «Путешествия». Потрясающую картину «барства дикого, без чувства, без закона», присвоившего себе «насильственной лозой» и «труд, и собственность, и время земледельца»,³ рисовал Радищев в главе «Любань», в рассказе о барине, заставляющем своих крепостных работать на себя шесть дней в неделю. В главе «Зайцово» он говорит о жестокости изверга помещика, который «посадил на пашню» всех своих крепостных, «отнял у них всю землю, скотину... заставил работать всю неделю на себя». Упоминание о «девах», «цветущих для прихоти бесчувственной злодея», прямо отсылает нас к сценам чудовищного беспутства и зверства помещиков, с такой гневной силой обличаемых в «Путешествии». Сыновья помещика (в главе «Зайцово») «бесчинничали с девками и бабами и никакая не избегала их насилия».⁴

Радищев для Пушкина прежде всего «рабства враг», как он называет его в 1822 г., в «Послании к цензору», не предназначавшемся для печати.

¹ А. Н. Радищев. Вольность. Соч., т. I, стр. 17.

² А. С. Пушкин. К Чаадаеву. Соч., т. I, стр. 338.

³ Там же. Деревня, стр. 352.

⁴ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Зайцово». Соч., т. I, стр. 272.

Упомянув в этом послании, что «Радищев, рабства враг, цензуры избежал», Пушкин указывал на значение примера Радищева для писателей, которые, подобно автору «Путешествия», минуя цензуру, смело нападают на «правительство, закон иль нравы»¹ (естественно, Пушкин имел в виду и свои собственные революционные стихи).

Но вольнолюбивой и протестующей была не только политическая лирика Пушкина. Идеи революционного просветительства и патриотизма, свободолюбие и чувство национальной гордости определяют все творчество Пушкина. Они рождались из тесной связи поэта со своим народом, из глубокого проникновения Пушкина в жизнь русского народа.

В период общественного подъема — перед 1825 г. — все эти черты выступают в форме боевых политически заостренных произведений.

В дальнейшем, после разгрома движения декабристов, Пушкин вынужден был изменить свою тактику. Он не имеет возможности прямо и открыто высказывать свои политические взгляды. Но отрицание им крепостнической действительности, ненависть его к самодержавию не затухает, а лишь приобретает новые формы. И здесь, на этом новом этапе, пример творчества Радищева сохраняет для него всю свою силу и значение.

Неудача декабристов, разгром их царским правительством явились, как известно, результатом того, что они действовали изолированно от народа, не были поддержаны крестьянской и солдатской массой. «Узок круг этих революционеров. — писал Ленин о декабристах. — Страшно далеки они от народа».²

Характеризуя политическую обстановку в России, создавшуюся после подавления восстания декабристов, Герцен писал в своей статье «О развитии революционных идей в России»: «Невозможны были никакие иллюзии: народ остался равнодушным зрителем 14 декабря. Всякий добросовестно мыслящий видел ужасное последствие полного разрыва народной России с Россией обьевропеизованной. Между двумя лагерями порвалась всякая связь — необходимо было ее восстановить, но как, каким образом? Вот в чем основной вопрос... Душой всех мыслящих людей овладела глубокая грусть. Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдаленному будущему».³

¹ А. С. Пушкин. Послание к цензору. Соч., т. II, стр. 119.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 18, стр. 14.

³ А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России. Собр. соч., т. VI, стр. 364.

В условиях реакции, наступившей после восстания декабристов, когда многие представители передовой дворянской интеллигенции отошли от прогрессивных позиций, впали в пессимизм и скептицизм, Пушкин остался верен своим вольнолюбивым идеалам. Он отнюдь не «примирился» с существовавшим порядком вещей, как это пытались утверждать некоторые горе-исследователи. Пушкин в это время начинает напряженно искать исторического объяснения причин неудачи декабристов. Он остро ощущает необходимость преодоления разрыва между народной Россией и дворянскими революционерами. Осуществить связь между двумя лагерями, между передовым, «просвещенным» дворянством и народом и ставит своей задачей Пушкин. Поэтому он и призывает к «просвещению», видя в нем залог дальнейшего политического развития народа и преодоления разрыва между народом и дворянской интеллигенцией.

Пушкин стремился преодолеть разрыв между дворянской революционностью и революционностью демократической, между просвещенным, передовым дворянством и пробуждающимися к политической жизни народными массами. В условиях политического безвременья 30-х годов, когда для Пушкина стала ясна недостаточность усилий декабристов, не имевших опоры в народе, а новая демократическая революционность еще только зарождалась, поиски Пушкина направляются по тому пути, по которому в дальнейшем пойдут Белинский и Герцен.

Оставаясь верным вольнолюбивым заветам декабристов, Пушкин, однако, не остановился там, где остановились декабристы. Он шел с ними вместе в их борьбе с самодержавным деспотизмом, но ему было тесно в рамках дворянской революционности. Стремление к уничтожению самодержавия и крепостничества сочеталось у Пушкина с мыслью о судьбах народа, с мечтой о полном и совершенном освобождении личности, не осуществимой не только в условиях крепостнического строя, но и в рамках буржуазных отношений, основанных также на эксплуатации масс, пример чему он видел в Европе и Америке.

Пушкин шел к пониманию решающей роли народа в исторических судьбах страны. В преодолении ограниченности дворянской революционности Пушкин обратился к Радищеву, справедливо видя в его взглядах на народную революцию большую широту и последовательность, выражение подлинно народных чаяний.

Если в двадцатые годы, в период нарастания революционных декабристских настроений, для Пушкина характерно обращение к радищевской «Вольности», с ее призывом к свержению деспотической власти, то в тридцатые годы Пушкина в большей мере интересует «Путешествие» Радищева, в котором ставится вопрос о положении широких народных масс, о крепостническом рабстве.

Отзвуки радищевского «Путешествия» мы видим уже в «Истории села Горюхина», написанной Пушкиным в Болдине осенью 1830 г. Безотрадные картины крепостной действительности, нарисованные здесь обличительной

А. Н. РАДИЩЕВ.
Гравюра И. Вендрамини.

кистью сатирика, во многом перекликаются с «Путешествием» Радищева, в особенности последняя глава — «Правление приказчика». В ней говорится о рекрутчине и окончательном обнищании горюхинцев, оказавшихся в таком же положении, как и разоренные помещиком крестьяне, описанные в «Путешествии» Радищева. «История села Горюхина», не доведенная Пушкиным до конца, должна была завершиться крестьянским бунтом (в сохранившихся планах заключительная глава названа «Бунт»).

Неудача восстания декабристов показала невозможность победы революции без участия народных масс. В то же время стихийные крестьянские бунты, вспыхнувшие в 30-х годах, не освещенные политическим сознанием масс, являлись разрозненными вспышками народного гнева и в силу своей стихийности также были обречены на неудачу. Именно поэтому вопрос о крестьянской революции встал перед Пушкиным с такой остротой. В 1832 г. Пушкин писал роман «Дубровский», в котором пытался показать крестьянский бунт, руководимый дворянином. Но Пушкин вскоре понял историческую неоправданность и, следовательно, нетипичность подобного изображения (в котором «бунтарь»-дворянин Дубровский превращался в условный романтический образ) и оставил роман незавершенным.

В 1833 г. Пушкин обратился к изучению подлинных событий крестьянской революции 1773—1775 гг. под руководством Емельяна Пугачева. Он предпринял поездку на Урал и в Поволжье, записывая рассказы и предания о Пугачеве, сохранившиеся в народной среде. Результатом явилась «История Пугачева» (переименованная по требованию Николая I в «Историю пугачевского бунта») и замечательная историческая повесть «Капитанская дочка».

Несмотря на препятствия цензуры, Пушкин в обоих этих произведениях показал подлинно народный характер пугачевского движения, нарисовал правдивый образ самого Пугачева как представителя народных масс. «История Пугачева» разрушала трактовку Пугачева реакционными дворянскими историками как «злодея». Она разрушала также иллюзию о «гармонии интересов» помещиков и крестьян. Пушкин показал здесь противоречие интересов помещичьей монархии и народа, противоречие, которое может быть разрешено только путем революции.

Пугачев показан Пушкиным как вождь, выдвинутый крестьянской массой. Это выдающийся представитель народа, талантливый самородок, который «осаждал крепости и потрясал государством».¹ Пугачев в глазах Пушкина олицетворение народной смелости, ума, природной талантливости. Его воззвания Пушкин считал образцом народного красноречия, а в его действиях видел и военные познания и необыкновенную дерзость. Пугачев в изображении Пушкина не «вор» и не «разбойник», как его изображали дворянские историографы, а народный полководец, умеющий

¹ А. С. Пушкин. Капитанская дочка, гл. VIII. Соч., т. VI, стр. 474.

подняться до сознания общегосударственных интересов. Это положительное отношение к Пугачеву как представителю русского народа особенно явно сказалось в знаменитой сказке об орле и вороне, которую Пугачев рассказал Гриневу: «Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего-навсего только тридцать три года?— Оттого, батюшка,— отвечал ему ворон,— что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орел подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орел да ворон. Вот завидели палую лошадь, спустились и сели. Ворон стал клевать, да похваливать. Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой крови, а там что бог даст!»¹

Несомненно, Пушкин восхищается борьбой Пугачева, но в то же время он подчеркивает непрочность и кратковременность успехов крестьянской революции. Этот образ вождя крестьянских масс Пушкин противопоставляет развращенной, корыстолюбивой, эгоистической верхушке крепостнического государства. В «Капитанской дочке» Пушкин вынужден был ограничиться официальным портретом «доброй» Екатерины II, однако в не предназначавшихся для печати записях (относящихся еще к 20-м годам) поэт дает истинный облик этой развратной и жестокой императрицы. Эти записи, показывающие действительное отношение Пушкина к Екатерине II, заставляют вспомнить о сходной оценке ее Радищевым.

В заметках по русской истории Пушкин дает резкую разоблачающую оценку Екатерины II и ее царствования: «...со временем история... откроет жестокую деятельность ее деспотизма, под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками...». ² Говоря об «отвратительном фиглярстве» Екатерины в ее «сношениях с философами», Пушкин перечисляет список жертв ее «любви к просвещению»: Новикова, томившегося до самой ее смерти в темнице, Радищева, сосланного ею в Сибирь.

Пушкин подчеркивает все это, чтобы еще больше оттенить особенности народного движения, которое при всей своей беспощадности по отношению к дворянству характеризовалось истинно гуманным стремлением к освобождению угнетенного большинства населения страны.

Пушкин к 30-м годам понимал не только несостоятельность дворянской революционности, но и крах иллюзий, связанных с буржуазной демократией на Западе. «Благонамеренный» либерализм отнюдь не вызывал его симпатий. Он разочарованно и иронически-равнодушно следит за июльской революцией 1830 г. во Франции, когда буржуазия, боясь народного движения и сколько-нибудь значительных социальных и политических

¹ А. С. Пушкин. Капитанская дочка, гл. XI. Соч., т. VI, стр. 508.

² А. С. Пушкин. Заметки по русской истории XVIII века. Соч., т. VIII, стр. 124.

перемен, спешит в страхе перед парижскими пролетариями выдвинуть «своего» короля. В январе 1831 г. Пушкин пишет в письме к Е. М. Хитрово: «Французы почти перестали меня интересовать... Их король с зонтиком под мышкой слишком уж мешанин».¹

Новая сила, пришедшая к власти в Западной Европе, — буржуазия, сменившая феодальное дворянство, — глубоко враждебна Пушкину. Он уже различает под маской ее лицемерной демагогии новые, не менее жестокие и циничные, чем при феодализме, методы угнетения народа.

Все это заставляло Пушкина задумываться над судьбами народной революции.

Если Радищев под свежим впечатлением крестьянского восстания 1773—1775 гг., едва не опрокинувшего дворянское государство, приходил к выводу о необходимости насильственной ликвидации власти эксплуататоров, то перед Пушкиным в 30-е годы этот вопрос во многом вставал иначе.

Учитывая опыт пугачевского восстания и крестьянских «бунтов» 30-х годов, Пушкин видел безрезультатность крестьянских выступлений, стоивших тяжелых жертв, но не улучшивших положения народа. Напомним, что В. И. Ленин, характеризуя крестьянские революции, воспользовался именно пушкинскими словами из «Капитанской дочки». «Наличность революционных элементов в крестьянстве, — писал Ленин, — не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению. Мы несколько не преувеличиваем силы этих элементов, не забываем политической неразвитости и темноты крестьян, несколько не стираем разницы между „русским бунтом, бессмысленным и беспощадным“ и революционной борьбой...».²

Исторические и политические взгляды Пушкина зависели от той общественной обстановки, которая сложилась в России в первой трети XIX в. Эти годы характеризовались ростом народного недовольства, нашедшего свое выражение в «бунтах» крестьян против помещиков и восстаниях в военных поселениях. Пушкин, конечно, не мог научно обосновать невозможность победы стихийных изолированных крестьянских восстаний. Объяснение этому дала только марксистско-ленинская теория. «Отдельные крестьянские восстания, — указывал товарищ Сталин, — даже в том случае, если они не являются такими „разбойными“ и неорганизованными, как у Степана Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями».³

¹ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 335 (оригинал по-французски; перевод — стр. 827).

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 4, стр. 223.

³ И. В. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Соч., т. 13, стр. 112—113.

Скептически относясь к возможности коренных политических изменений при помощи стихийных «бунтов», Пушкин, вместе с тем, во всех своих произведениях, посвященных проблеме крестьянской революции: в «Дубровском», в «Капитанской дочке», в «Истории Пугачева», оправдывал действия крестьянских масс. Он правдиво показал те нестерпимые условия существования, которые обусловили как самые восстания, так и жестокость расправы крестьян со своими угнетателями.

Рассказывая в «Истории Пугачева» о переправе войск Пугачева через Волгу около Казани, Пушкин отмечал: «Вся западная сторона Волги восстала и передалась самозванцу. Господские крестьяне взбунтовались... Воеводы бежали из городов, дворяне из поместий; чернь ловила тех и других и отовсюду приводила к Пугачеву. Пугачев объявил народу вольность, истребление дворянского рода, отпущение повинностей и безденежную раздачу соли».¹

Эта широкая картина крестьянского восстания, нарисованная Пушкиным, приводит на память гневные призывы Радищева к мести помещикам-кровопийцам. Напомним и кузнеца Архипа в «Дубровском», без колебаний поджигающего дом с ненавистными ему «приказными» — исполнителями неправогo судебного решения.

«Поднялся ветер. В одну минуту пламя обхватило весь дом. Красный дым вился над кровлею. Стекла трещали, сыпались, пылающие бревна стали падать, раздался жалобный вопль и крики: «горим, помогите, помогите!» — Как не так, — сказал Архип, с злобной улыбкой взирающий на пожар. — Архипушка, — говорила ему Егоровна, — спаси их, окаянных, бог тебя наградит.

— Как не так, — отвечал кузнец».²

История и современная Пушкину действительность не давали ему материала для показа, кроме разрушительного, также и созидательного характера революции.

Пушкин далек от идеализации крестьянского движения, показывая в «Капитанской дочке» и «Истории Пугачева» его разрушительный характер и его слабые стороны, сказавшиеся в анархии, царившей в войсках Пугачева, в противоречивости интересов его сторонников, которые приводили к спорам и ссорам среди руководителей движения и явились одной из причин поражения Пугачева. Именно отсюда и родилась у Пушкина его формула: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!»³

Правдивые и суровые в своей реалистической выразительности картины Пугачевского движения, гнева крестьянских масс, «черного народа», против своих угнетателей, безжалостной расправы с ними, изображенные Пушкиным в «Капитанской дочке», во многом сходны с картинами народного гнева в радищевском «Путешествии», когда Радищев рисует расправу

¹ А. С. Пушкин. История Пугачева. Соч., т. VIII, стр. 247.

² А. С. Пушкин. Дубровский, гл. VI. Соч., т. VI, стр. 255.

³ А. С. Пушкин. Капитанская дочка, гл. «Арест». Соч., т. VI, стр. 524—525.

крестьян над помещиками. «Смерть и пожигание», «пагуба зверства», о которых Радищев предупреждал дворян-крепостников в своем «Путешествии», показаны Пушкиным в ярких картинах крестьянского «бунта», справедливость которого он признает.

Свидетельством обостренного интереса Пушкина в эти годы к радищевскому «Путешествию из Петербурга в Москву»¹ является пушкинское «Путешествие из Москвы в Петербург» (печатавшееся ранее под редакторским заглавием «Мысли на дороге»). Эта публицистическая книга, над которой Пушкин работал с декабря 1833 по апрель 1834 г., осталась незаконченной. Убедившись в невозможности опубликования книги, посвященной «Путешествию» Радищева, Пушкин прекратил работу над нею (хотя главу «Москва» он приписал уже в январе 1835 г.). Знаменательно, что даты работы Пушкина над «Путешествием из Москвы в Петербург» совпадают с работой над «Капитанской дочкой», а начальная дата непосредственно следует за окончанием «Истории Пугачева».

Пушкинское «Путешествие» является своеобразным ответом на «Путешествие» Радищева и, вместе с тем, изложением этого обвинительного акта против крепостного права. У Пушкина рассказчик путешествует в обратном направлении—из Москвы в Петербург, читая книгу Радищева от конца к началу и как бы проверяя его впечатления своими. Своим «Путешествием» Пушкин хотел показать, что положение крестьянских масс оставалось таким же невыносимым, как и во времена Радищева.

Так, Пушкин всецело присоединяется к словам Радищева (глава «Черная грязь»), который «горько порицает самовластие господ»,² обрекающих крепостных на подневольные браки. Из главы «Пешки» Пушкин целиком приводит «замечательное описание» Радищевым русской избы, рисуящее нищету и тяжесть крестьянского быта, отмечая, что «ничто, кажется, не изменилось в русской деревне и в 1833 году!»³ Полностью солидаризируется Пушкин и с негодующим описанием Радищевым продажи крестьян в рекруты в главе «Городня». Приведя несколько страниц радищевского текста, Пушкин заключает, что указанная повинность — самая «тягчайшая из повинностей народных».⁴

Пушкин приводит начало одной из самых сильных антикрепостнических глав радищевского «Путешествия»—главы «Медное», обличающей гнусную

¹ Пушкину принадлежал редчайший экземпляр радищевского «Путешествия...» с пометками Екатерины II. На книге рукою Пушкина написано: «Экземпляр, бывший в тайной канцелярии. Заплачен— двести рублей». См. «Рукою Пушкина», Academia, 1935, стр. 603.

² А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург, гл. «Браки». Соч., т. VII, стр. 287.

³ Там же, гл. «Русская изба», стр. 288—289.

⁴ Там же, гл. «Рекрутство», стр. 294.

и бесчеловечную продажу крепостных, и в заключение замечает: «Следует картина, ужасная тем, что она правдоподобна. Не стану теряться вслед за Радищевым в его надутых, но искренних мечтаниях... с которыми на сей раз соглашаюсь поневоле...».¹

Естественно, что Пушкин вынужден был прервать свою выписку из Радищева, не имея возможности — из цензурных соображений — привести всю главу, и тем более «ужасную картину» помещицкой жестокости. Но Пушкин солидаризируется как раз с той главой радищевского «Путешествия», которая заканчивается утверждением Радищева, что «свободы... ожидать должно... от самой тяжести порабощения»,² которая неминуемо должна привести к свержению народом власти помещиков.

Свое «Путешествие из Москвы в Петербург» Пушкин заканчивал Вышним Волочком, то-есть главой, соответствующей той главе, в которой Радищев делал свои решительные выводы относительно крепостнических порядков. Отмечая, что Радищев: «Мрачными красками рисует состояние русского земледельца»,³ Пушкин приводит рассказ о тиране-помещике, заставившем «всех крестьян, жен и их детей во все дни года работать на себя». Пушкин не имел возможности привести в печати заключение и этой главы, в которой Радищев обращался с гневным призывом к возмездию этому «кровопийце», к лишению его «богатства», «нажитого грабежом», и к революционному насилию над «общественным злодеем»: «Сокрушите орудия его земледелия; сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепл по нивам, на них же совершалось его мучительство...».⁴ Пушкин отнюдь не полемизирует с Радищевым, но и сам приводит известную ему аналогичную историю такого же тирана-помещика. Помещик этот привел своих крепостных в «совершенное разорение», лишив их всякой собственности. «Словом, — заключает Пушкин, — статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помещика».⁵ И Пушкин с полным одобрением сообщает, что этот помещик-тиран «был убит своими крестьянами во время пожара».⁶

Таким образом, Пушкин полностью присоединяется к Радищеву в его страстном обличении крепостничества. Включая в свою статью целые страницы его «Путешествия», поэт тем самым подчеркивал их актуальность и для своего времени. Пушкин протестует в этой главе не только против крепостничества, как главного зла русской жизни. Он видит уже

¹ А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург, гл. «Медное». Соч., т. VII, стр. 299.

² А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Медное». Соч., т. I, стр. 352.

³ А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург, гл. «Шлюзь». Соч., т. VII, стр. 353.

⁴ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Вышний Волочок». Соч., т. I, стр. 326.

⁵ А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург, гл. «Шлюзь». Соч., т. VII, стр. 305.

⁶ Там же.

и то зло, которое приносит капитализм. Он разоблачает лицемерную «свободу» в странах буржуазной Европы, где предприниматели создали новое рабство, экономически закабалив народ: «Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой, какая страшная бедность!.. И заметьте, что все это есть не злоупотребления, не преступления, но происходит в строгих пределах закона».¹ Позднее, в 1836 г., Пушкин в своей статье «Джон Теннер» разоблачает лицемерие американской «демократии», в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве, «неумолимый эгоизм», «рабство негров посреди образованности и свободы»!² Это враждебное отношение Пушкина к показавшей свою эксплуататорскую сущность западноевропейской и американской буржуазной «демократии» полностью соответствует позициям Радищева.

Радищев восставал не только против крепостного права. Он — враг всякой эксплуатации человека человеком, враг национального порабощения. С глубокой пронизательностью он уже тогда обличал хищнический общественный строй капиталистической Америки, вскрывал корни ее агрессивной политики, основанной на порабощении народов: «Заклав Индейцов единовременно, злобствующие Европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истины, учителя кротости и человеколюбия, к корени яростного убийства завоевателей прививают хладнокровное убийство порабощения, приобретением невольников куплею».³

Радищев с гневом говорит об этих лицемерных «проповедниках миролюбия», строящих свое благополучие на безжалостной эксплуатации невольников: «Сии то несчастныя жертвы знойных берегов Нигера и Сенагала, отринутыя своих домов и семейств, переселенныя в неведомыя им страны, под тяжким жезлом благоустройства, вздирают обильныя нивы Америки, трудов их гнушающейся. И мы страну опустошения назовем блаженною, — с горькой иронией восклицает Радищев, — для того, что поля ея не поросли тернием и нивы их обилуют произращениями разнообразными. Назовем блаженною страну, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи неимеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова».⁴ Радищев уже тогда разглядел отвратительное лицемерие американской буржуазной «демократии», обеспечивающей господство привилегированной верхушки «ста гордых граждан» Америки, которые утопают в роскоши за счет огромной массы людей, работающих на них и не имеющих ни пропитания, ни крова!

¹ А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург, гл. «Русская изба». Соч., т. VII, стр. 290.

² А. С. Пушкин. Джон Теннер. Соч., т. VII, стр. 449.

³ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Хотиллов». Соч., т. I, стр. 316.

⁴ Там же, стр. 317.

Мысль о Радищеве сопровождает Пушкина на всем протяжении 30-х годов. Борьба Радищева с деспотизмом и крепостничеством, суровая правда радищевского «Путешествия», идейная устремленность в будущее — помогли Пушкину в оценке явлений современной ему действительности.

Приступив к изданию «Современника» в 1836 г., Пушкин пытается напомнить читателям о писателе-революционере, написав с этой целью большую статью: «Александр Радищев». Памятуя о цензурно-полицейских рогатках, помешавших опубликованию его предшествующей статьи о Радищеве, Пушкин был вынужден облечь статью в полемическую форму, подчеркивая якобы беспочвенность, «надутость» и устарелость политических и философских установок запретного автора. Однако подлинный смысл и цель статьи заключались в том, чтобы вновь напомнить о Радищеве и поставить вопрос о революции. Пушкин очень верно и метко определил радищевское «Путешествие» как «сатирическое воззвание к возмущению», каковым оно в действительности и было.

Самый «поступок» Радищева — издание им «Путешествия» — Пушкин справедливо рассматривал как акт беспримерной, почти безумной дерзости и как смелый и мужественный вызов деспотическому режиму Екатерины II: «Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины!»¹ И даже вынужденный говорить о «поступке» Радищева «эзоповым языком», Пушкин не скрывает своего глубокого уважения к этому «политическому фанатику», к этому смелому и последовательному революционеру, мужественному борцу с «самовластьем»: «но со всем тем, — продолжает Пушкин, вынужденный оговорить свое несогласие с «поступком» Радищева, — не можем в нем не признать преступника с духом необыкновенным, политического фанатика, заблуждающегося, конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестливостью».²

Напомним, что для Пушкина это являлось условным названием человека, ведущего непреклонную борьбу с самодержавием и крепостничеством: «я уже не фанатик, но все еще набожен», — писал Пушкин Вяземскому в 1825 г., подразумевая под своей «набожностью» ненависть к тогдашнему политическому порядку.³

Характеризуя Радищева как самоотверженного «фанатика», Пушкин тем самым оправдывал его. Он замечает, что в своем «Рассуждении о человеке» «Радищев, хотя и вооружается противу материализма... но ... охот-

¹ А. С. Пушкин. Александр Радищев. Соч., т. VII, стр. 354.

² Там же, стр. 355. В черновом варианте: «политического Дон-Кихота, действующего с энергией и по совести» слово «заблуждающегося» Пушкин, несомненно, должен был добавить позднее). см. Полн. собр. соч., изд. АН СССР, т. XII, стр. 353.

³ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 181.

нее излагает, нежели опровергает доводы чистого афеизма»,¹ т. е. безбожия. По этому принципу и Пушкин написал свои статьи о Радищеве, в сущности не столько опровергая, сколько излагая Радищева, который «иносит власть господ, как явное беззаконие». Свидетельством подлинного антиправительственного значения пушкинской статьи является ее за-прещение цензурой, сразу разглядевшей ее истинную цель: пропаганду идей Радищева.

Осуждающие Радищева фразы, конечно, не выражали подлинного мнения о нем Пушкина. Называя Радищева «представителем полупросвещения», обвиняя его в «слепом пристрастии к новизне», Пушкин этим хотел напомнить читателям о замечательном писателе-революционере, о мужественном гражданском подвиге, каким являлась вся деятельность Радищева. Статьи Пушкина о Радищеве стали известны читателям лишь после смерти Пушкина и вызвали широкий интерес. Однако критика уже тогда, в 50—60-х годах, поставила вопрос о том — являлись ли эти статьи выражением подлинной точки зрения Пушкина или же он вынужден был смягчить и зашифровать свое отношение к Радищеву из-за политических и цензурных причин.

Добролюбов, ознакомившись с впервые опубликованным в 1857 г. текстом статьи Пушкина о Радищеве, указал на противоречивость данных в ней оценок, на то, что Пушкин, говоря о «полупросвещенности» Радищева, противоречил своему же признанию в нем «искренних и честных убеждений». «Еще яснее выражается, без ведома автора, — продолжает Добролюбов, — уважение его к Радищеву в самом оправдании, решительно противоречащем строгому приговору, произнесенному относительно всей деятельности этого человека вообще». Добролюбов указал также, что Пушкин в своей статье умышленно «хочет непременно подвести себя под известные, заранее принятые определения», в то время как «в частных суждениях, в фактах, представленных в отдельности, постоянно виден живой, умный взгляд Пушкина».²

«Маскировочный» характер статьи Пушкина о Радищеве подчеркнул и Герцен, почерпнувший из пушкинской статьи основные сведения о Радищеве. Герцен при этом отметил, что Пушкин даже несколько «перехитрил» свою статью «из цензурных видов».³

Располагая теперь гораздо большими сведениями об условиях работы Пушкина в период издания «Современника», мы можем еще лучше понять необходимость столь сложной маскировки подлинного отношения Пушкина к Радищеву.

Однако сложность этой статьи еще и в том, что Пушкин полемизировал здесь с Радищевым не только по цензурным причинам, но и потому, что

¹ А. С. Пушкин. Александр Радищев. Соч., т. VII, стр. 358.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. I, М., 1934, стр. 320—321.

³ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, П., 1919, стр. 275.

он не разделял некоторых его взглядов и суждений, прежде всего его призыва к крестьянской революции. Этим объясняется трудность понимания статьи, подлинный смысл которой возможно уяснить, лишь исходя из анализа всей идейной позиции Пушкина этих лет.

Пушкину всегда были близки и дороги вольнолюбивые идеалы Радищева. Подобно Радищеву, Пушкин видел выход из жестоких противоречий действительности не в уходе из нее в замкнутый, узко личный мир, не в индивидуалистической «свободе», а в борьбе за свободу всего народа.

В своих раздумьях о судьбах страны Пушкин в последекабрьский период внимательно изучает государственную деятельность Петра I. При этом весьма существенно отметить, что образ Петра I, понимание его роли в истории России, самая его характеристика, данная Пушкиным в «Медном Всаднике», «Полтаве», «Пире Петра Первого» — непосредственно связаны с Радищевым. В «Письме к другу, жительствующему в Tobольске», Радищев, давая описание открытия памятника Петру I в 1782 г., отметил как раз те черты деятельности и личности Петра I, которые потом с такой выразительностью показал в своих произведениях Пушкин. Петр I как исторический деятель, как основатель Петербурга, «властелин судьбы», каким он показан Пушкиным в поэме «Медный Всадник», уже угадывается в описании фальконетовской статуи у Радищева: «И се явился паки взорам нашим сидящ на коне борзом в древней Отцов своих одежде Муж, основание града сего положивший и первый, которой на Невских и Финских водах воздвиг Российский флаг доселе несуществовавший. Явился он взорам любезных чад своих сто лет спустя, когда в первые трепещущая его рука, младенцу ему сушу, прияла Скипетр обширных России, пределы коея он расширил столь славно...».¹

Радищев, отмечая положительную роль Петра в развитии русской государственности, в мощном преобразовании страны, вместе с тем подчеркивает и другую сторону его деятельности — его самовластие, утверждение деспотизма. «И хотя бы *Петр* не отличился различными учреждениями, к Народной пользе относящимися, хотя бы он не был победитель Карла XII, то мог бы и для того великим назваться...», — пишет далее Радищев. «Да не уничижуся в мысли твоей, любезной друг, превознося хвалами столь властного Самодержавца, который изтребил последние признаки дикой вольности своего отечества... И я скажу, что мог бы *Петр* славнее быть, возносяся сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную...» Радищев указывает при этом: «нет и до скончания мира примера может быть не будет, чтобы Царь упустил добровольно что либо из своая власти, седей на Престоле».²

¹ А. Н. Радищев. Письмо к другу, жительствующему в Tobольске. Соч., т. I, стр. 148.

² Там же, стр. 150—151.

Это понимание двойственного характера деятельности Петра передает и Пушкин в «Медном Всаднике», изображая его «кумиром на бронзовом коне», великим государственным преобразователем, и в то же время, разрушившим «вольность частную», попиравшего в своем деспотическом самовластии права множества маленьких людей.

Как уже указывалось, в 30-е годы Пушкин продолжал свою борьбу с крепостнической монархией, но иными средствами, чем раньше.

«Просвещенное дворянство», по мнению Пушкина, является выразителем интересов народа, а народная свобода представляет неминуемое следствие просвещения. Пушкин отстаивает необходимость освобождения крестьян в России и предоставления народу политических прав. Просвещение для него является не абстрактным культом разума, как для большинства просветителей XVIII в., и не либеральным «улучшением», как для дворянских либералов, а именно политическим просвещением народа, подготовкой решительных перемен в его положении.

Следует подчеркнуть, что мысль о таком просвещении народа и просветительской роли литературы была высказана еще Радищевым. В своем «Путешествии» он писал о том, что «весьма полезной был бы труд писателя», показавшего «шествие разума человеческого», так как «...обнажая шествие наших мыслей к истине и заблуждению, устранил хотя некоторых от пагубных стези и заградит полет невежества; блажен писатель, если творением своим мог просветить хотя единого, блажен, если в едином хотя сердце посеял добродетель».¹

Путь «просвещения» был для Пушкина не отступлением, а той тактикой борьбы, которую он считал единственно возможной и целесообразной в новых исторических условиях. «Просвещение» масс означало их приобщение к передовым идеям, воспитание в них духа протеста. Недаром «История Пугачева» вызвала ожесточенные нападки со стороны реакционного дворянского историка Броневского, который относил Пугачева к «извергам, вне законов природы рожденным», и утверждал, что «история сего злодея... может вселить отвращение даже в самых разбойниках и убийцах». Пушкин, отвечая Броневскому, иронически писал: «Политические и нравоучительные размышления, коими г. Броневский украсил свое повествование, слабы и пошлы...».²

В 1834—1836 годы Пушкин уже подошел к пониманию ограниченности «просвещенного дворянства», недостаточности этой узкой социальной базы в разрешении стоявших перед страной проблем, пришел к пониманию решающей исторической роли народа и неизбежности коренных социальных перемен. Этим и объясняется его огромный интерес к Радищеву, который он вновь проявляет к нему в это время. Радищев является

¹ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Подберезье». Соч., т. I, стр. 261..

² А. С. Пушкин. Об истории Пугачевского бунта (разбор статьи, напечатанной в «Сыне Отечества» в январе 1835 г.). Соч., т. VIII, стр. 393—394.

теперь для Пушкина не только врагом деспотизма и рабства, но политическим мыслителем и писателем, прозорливо и со всей смелостью поставившим вопрос о крестьянской революции, о будущем России. Таков был итог идейного пути Пушкина, преждевременно прерванного его трагической гибелью. Накануне ее Пушкин обращается к Радищеву и протягивает дружескую руку молодому Белинскому, приглашая его в «Современник».

Радищев для Пушкина был не только провозвестником грядущего освобождения родной страны от ига самодержавия. Он был предшественником Пушкина в создании реалистического искусства.

Радищев показал пример сочетания публицистичности с широким художественным обобщением. Радищевское новаторство предшествовало тому своеобразию жанров, которым отмечена и публицистика Пушкина, прежде всего его «Путешествие из Москвы в Петербург», а также и в таких произведениях, как «История села Горюхина».

Пушкин пошел неизмеримо дальше Радищева, открыл новую страницу в истории русской прозы. Произведения Радищева написаны еще несовершенным языком; он не всегда мог облечь свои идеи в реалистические образы. Пушкин создал произведения огромной художественной силы, достиг полнейшей естественности, жизненности своих художественных образов при огромном богатстве идейного содержания.

Следуя Радищеву, Пушкин поставил своей целью служение народу. Как и Радищев, он был поэтом-гражданином, борцом за свободу, провозвестником наиболее передовых для своей эпохи, наиболее прогрессивных идей. Пример Радищева, смелое и беспощадное разоблачение им деспотизма, всегда воодушевляли Пушкина.

Пушкину был близок и дорог Радищев и в период революционного подъема перед восстанием декабристов и в период политических раздумий и исканий 30-х годов.

В 1836 г., почти одновременно со статьей «Александр Радищев», Пушкин пишет свое знаменитое стихотворение: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», в котором как бы подводил итоги всей своей предшествующей деятельности. В первоначальном, бесцензурном варианте этого стихотворения поэт писал:

И долго буду тем любезен я народу,
 Что звуки новые для песен я обрел,
 Что вслед Радищеву восславил я свободу
 И милосердие воспел.¹

Радищев навсегда остался для Пушкина врагом рабства и певцом свободы, защитником угнетенного народа, показавшим путь его освобождения, далеко опередив этим свою эпоху.

¹ А. С. Пушкин. «Я памятник себе воздвиг...». Соч., т. III, стр. 479.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А.С. ПУШКИН

1799 ~ 1949

МАТЕРИАЛЫ
ЮБИЛЕЙНЫХ
ТОРЖЕСТВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва — Ленинград

1951
